

Генри Лайон Олди

Десять искушений юного публиканта

Часть сборника
Фанты для фэна (сборник)

Генри Лайон Олди

Десять искушений юного публиканта

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158499

Аннотация

«Добрый день, дорогие друзья! Давайте сегодня построим беседу таким образом: нас двое, и мы будем поочередно выступать в роли адвоката и «адвоката дьявола». Если вы помните, на заседаниях инквизиции при канонизации какого-либо будущего святого обязательно присутствовал «адвокат дьявола», который оспаривал все заслуги и чудеса, совершенные канонизируемым. Если он побеждал в споре, человека к святым не причисляли...»

Содержание

Бесконечность	5
Добронравие	7
Живость характера	9
Обстоятельность	11
Осторожность	13
Вечная молодость	15
Компанейство	17
Общительность	19
Спортивность	21
Готовность на все	23

Г. Л. Олди
Десять искушений юного публиканта
(стенограмма семинара на фестивале
фантастики «Звездный Мост-2004»)

Добрый день, дорогие друзья! Давайте сегодня построим беседу таким образом: нас двое, и мы будем поочередно выступать в роли адвоката и «адвоката дьявола». Если вы помните, на заседаниях инквизиции при канонизации какого-либо будущего святого обязательно присутствовал «адвокат дьявола», который оспаривал все заслуги и чудеса, совершенные канонизируемым. Если он побеждал в споре, человека к святым не причисляли.

О святых не станем долго говорить, и перейдем к грешным писателям. Предположим, что у начинающего писателя вышла книжка. Толстая. В твердом переплете. Он счастлив, получил гонорар, пропил его дня за три... Хорошо! Затем вышло две, три, четыре книжки. Поиздавался год-два; появились свои читатели. И вот тут к автору приходит из одной замечательной пустыни некий гражданин-искуситель и начинает предлагать в той или иной форме все царства земные, которые видны автору с вершины его книжки.

Итак, **искушение первое:**

Бесконечность

Адвокат: Автор начинает изданную, ставшую популярной книгу продолжать, развивать, превращать в сагу или сериал, дописывать сиквелы, дописывать приквелы, дописывать – не к ночи будет помянуто – все, что только может быть прицеплено к книге спереди и сзади, с боков, снизу и сверху... И вот, спустя некоторое время, у него на полке стоит шесть книжек на данную тему, а седьмая – в типографии.

У этого метода есть свои бесспорные и несомненные плюсы.

Во-первых, быстрый рост популярности. Куча читателей счастлива, что не надо заново въезжать в материал абсолютно новой книги: а в продолжениях-предварениях имеются вполне узнаваемые вешки, облегчающие читательскую жизнь. Эти же читатели счастливы, что знакомые герои не погибают ни при каких обстоятельствах – ибо грядет очередное продолжение, сами понимаете. На первых порах такой подход дает достаточный рост продаваемости книг. Автор счастлив в свою очередь: у него выходят допечатки, формируется стабильный круг поклонников. «Похождения эльфа Клофелина в Малом Финалгонье» будут читать пять, шесть, семь томов подряд – без шуток, это действительно стабильный ареал читателей; они будут устраивать форумы, сообщества «Мы любим тебя», авторские сайты, ролевые игры, писать в рамках проекта свои фанфики (особенно если поступит предложение издать фанфики «на бумаге», под эгидой заветного авторского имени...) и так далее.

Хорошо? – да, безусловно.

Следующий плюс – узнаваемость декораций. Ленивому читателю, не в обиду будь сказано, только за счастье, когда нет ничего нового. Он заранее радостно знает: карта уже нарисована – тут эльфы-орки-гномы, тут космолеты-бластеры-десантники. Планета называется так-то, море – сяк-то, артефакт Предтеч – эдак. Замечательно. Почему у того же Сапковского длительное продолжение «Саги о Геральте» приняли на ура, а новую книгу принимают куда слабее, хотя она и написана, на наш взгляд, лучше? Написал бы еще две книги о Ведьмаке – и тираж подскочил бы вдвое. Об этом мы говорили с Анджеем летом, в Ниджице...

Следующий плюс – поощрение подобных действий издателем. Надо ли объяснять – почему?! Издатель счастлив. И благословляет душку-автора на героический труд. А добрые отношения с кормильцем – истинное благо.

Еще один плюс несомненный – упрощение работы. Знакомый материал, известный антураж, известные декорации, у автора все наработано-накатано, он характеры все помнит наизусть, структура языка изучена до мелочей... Здесь писатель действительно имеет ряд преимуществ, поддавшись на искушение бесконечностью.

Адвокат дьявола. Однако, естественно, у этого пункта есть и ряд очевидных недостатков. Однажды эта чудесная «бесконечность» становится зацикленной в хлам. Автор, как старик в маразм, впадает в собственные автоштампы; похождения героев идут хорошо, если по легкой спирали, – а чаще по кругу, по одной-единственной схеме. Как правило, характеры персонажей не имеют развития; каким «орел степной, казак лихой» был в первой книге, таким он остается и во второй-третьей-десятой. Что бы с ним ни случилось – будь это великий воин, идущий напролом три тома подряд, или вор, похищающий файерболомёт вторую тысячу страниц – герой остается неизменным.

Увы, это ведет к творческой деградации самого автора, увязшего в трясине штампов.

И вскоре это начинает приедаться читателю, который воспринимал тему «на ура» до четвертой-пятой-шестой книги – зависит от таланта автора и его способности удерживаться на плаву. В конечном итоге тема выдыхается и срабатывает так называемый «закон протухания сериала». Если первая книга, иногда вторая, третья (в исключительно талантливых слу-

чаях до пяти-шести) – могут держаться приблизительно на одном уровне, то дальше уровень начинает катиться вниз.

Адвокат (слегка перепутав роль). Пять-шесть – нереально. Даже три малореально.

Адвокат дьявола. Извините! А Железны и Асприн?!

Адвокат. Все пять книг Железны об Амбере помещаются в один не очень толстый том. Да и первые пять реально хороших книг Асприна про «М.И.Ф.» тоже тово... невелики.

Адвокат дьявола. Хорошо. То есть, не очень-то хорошо, но продолжим...

Идет по ниспадающей и напряжение сюжета, и интрига, и придумки. Здесь нет полигона для развития авторской фантазии, средств языка и так далее, потому что если даже автор вдруг захочет поработать как следует с языком, это, скорее всего, либо не удастся ему, либо не примут читатели. Когда сериал написан в одной манере, которая вдруг начинает резко меняться, это разрушает саму концепцию сериала, вызывая отторжение у издателя и читателя. Поэтому, как правило, авторы на такие эксперименты не идут, а значит, сбоят система саморазвития. Падение литературного уровня отражается и на творческих способностях писателя непосредственно, и на чисто коммерческой продаваемости сериала.

Кстати, о коммерческом аспекте. Когда сериал достигает «точки протухания» и перехлестывает за нее, в большинстве случаев умный издатель, видя падение продаж, прекращает выпускать этот сериал. Автор же, увы, заиклился, написал еще одну-две книги, а пристроить их в другом месте... Кому нужна пятая или шестая книга сериала, напрямую связанная с предыдущими, – сериала, который к тому же «зарубило» другое издательство из-за плохой продаваемости?!

Адвокат. Поверьте, мы таких случаев знаем немало. Но давайте перейдем к **искушению второму:**

Добронравие

Адвокат: Автор добр и покладист. Он абсолютно не хочет, не собирается, не планирует заниматься окологнижными проблемами.

Книжка выходит в какой-то обложке; книжка выходит под какой-то редактурой. Позиция автора: издатель лучше знает, какая обложка будет коммерческой, художник пусть рисует, что сказал издатель, или пусть художественный редактор подберет слайд из архивов-запасников – у меня нет времени за этим следить. Я хороший, добрый, милый человек, и заранее со всем согласен. Издатель предлагает сменить название книги – добронравный автор соглашается: отлично! Роман назывался «Закат в Эмпиреях» – сменим его на «Вампирей: первая кровь». Никаких проблем. Иллюстрации? Ах, господин издатель, вы вообще не хотите ставить иллюстрации – не надо! Так будет дешевле! Хотите? – отлично!.. И ничего, что десантник-инопланетянин в графическом исполнении похож на крокодила Гену. Ведь ссориться или спорить с художником, затягивая тем самым выход очередной книги и портя добрые отношения, нехорошо. Нужна аннотация? – господин аннотатор, пишите, как считаете нужным. Книгу можете вовсе не читать – так вам и быстрее, и удобнее. Мой добрый нрав позволяет всем делать что угодно.

Плюсы такого поведения очевидны

Во-первых, естественно, это опять и снова – ускорение работы над следующей книгой. Автор спокойно отдал текст издателю – профессионалу, который давно издает книги и, как ни крути, знает, как сделать книгу популярной: какая необходима обложка, аннотация, реклама... У автора не болит голова: он спокойно занимается следующим произведением, его никто не отвлекает от работы, он не достает издателя, издатель не достает его – всем хорошо. Появляется больше свободного времени: для творчества, для семьи, для пива с воблой. Кроме того, это меньшая ответственность. А вдруг я поругаюсь с художником, вдруг у меня возникнут проблемы с издателем; книга выйдет под той обложкой, которая нравится мне, а в результате издатель посоветовал бы обложку лучше, и книга лучше бы продалась?! Тогда я сам себе испорчу продажи – не хочу брать на себя ответственность... В случае моего добронравия, если вышло хуже, значит, виноват издатель. Сам не того художника поставил, с меня-то какой спрос? Сам нарулил с макетом, потеряв окончание книги – я же не виноват, что верстальщик косорукий...

Значит, гарантированы хорошие отношения с издателем. Ведь издатель заинтересован в том, чтобы поменьше отвлекать автора: быстрее появится новая книга. Ну и зачастую издатель совсем уж не заинтересован, чтобы автор лез в работу художественного отдела, отдела аннотаций и так далее.

Адвокат дьявола. А теперь о минусах.

Автор зачастую совершенно не врубается до седых волос и беса в ребре, что книга ассоциируется у читателя не с издателем, не с художником, не с аннотатором-редактором-корректором – а с ним-любимым. И даже если автор будет потом рассказывать группе друзей в фэндоме, что, мол, это не я виноват, это козел-художник нарисовал, это идиоты-аннотаторы написали, это сволочи-редакторы зарезали без ножа, а название изменил сукин сын выпускающий редактор из каких-то дурацких соображений – не поможет, братец. Да, об этом можно рассказать друзьям. Можно даже встать в позу на просторах интернета. Но у каждого книжного киоска не встанешь, чтобы комментировать эти проблемы каждому отдельному читателю. Извините, но уникально красивая девушка, отвратительно одетая, дурно пахнущая и немытая не вызывает романтических чувств. Книжка воспринимается читателем В КОМПЛЕКСЕ! И пусть потом бедняга-автор не плачется, что, мол, понимаете, на обложке

художник изобразил идиота в скафандре, а я писал о большой и чистой любви... Ах, этот художник, он ведь даже не читал мою нетленку!

Да, художник не читал. И не будет читать без лишнего напоминания. Потому что ты, родной, не почесался доказать издателю, КАК надо рисовать обложку к ТВОЕЙ книге. Риска испортить отношения? – да, в определенном смысле. Но все беды книги ложатся на автора, хочет он этого или нет. Ошибки редактора и корректора, бред аннотатора и все прочее. А кричать в интернете: «Ребята, это ОН все испортил! Это ОН меня заредактировал!»... Добрый наш, это ты кому объясняешь? Это ты себе объясняешь, да еще десятку друзей. Пусть даже сотне. А тираж какой?! – десять тысяч! Вот девять тысяч девятьсот читателей первого тиража запомнят: ты неграмотный автор с корявым текстом, жуткой аннотацией, бредовой обложкой и кривыми иллюстрациями.

Просим любить и не жаловаться.

Гнусная аннотация? Братцы, это ведь К ВАМ аннотация. Это не «дурак аннотатор придумал», это он кратко излагает для читателя содержание ВАШЕЙ книги. И что за дурь там написана – так это про вас. Возьмите и напишите аннотацию сами. Да, это отнимает время. Иногда кучу времени. И убедите издателя, пусть не с первого – с третьего раза поставить вашу собственную аннотацию, доказав, что она увеличит продаваемость.

Аляповатое оформление? Надо драться за оформление. Нас тоже начинали издавать так, что до сих пор страшно смотреть. Мы дрались за каждую обложку, мы приводили своих художников, графиков и «цветников», спорили, убеждали, постепенно добившись своего. Да, запомните: вас за это не будут любить. Вас будут уважать. Чувствуете разницу? Пусть нас любят дома родственники и друзья. Пусть нас любит читатель. А на работе издатель вас должен уважать. Иначе вас будут любить с изрядной долей презрения: за что уважать человека, который на все согласен?! Вплоть до ужасающей верстки. Кто из вас, дорогие авторы, не помнит пункт подписанного вами же договора: «Автор обязуется читать корректуру в такие-то сроки»? И кто из вас это делает?

Верстка – это художественное оформление текста книги. Размер кегля, межстрочное расстояние, заставки-концовки, виньетки-вензеля... Ну, кому нравятся книги с огромным межстрочным расстоянием, «висячими строками», четырнадцатым кеглем для слепых, с кошмарными полями? А это ваши и только ваши книги.

Издаем крохотные «романчики» сольными томами? Гонорар выращиваем? А у читателя складывается ощущение: «Мне текста не додают!» Ибо это ваша тоненькая книжка за его толстые деньги. И вы читателя не переубедите, хоть весь интернет потом наизнанку выверните.

Мы уже не говорим о том, что смена названий категорически разрушает авторский замысел. Без ложной скромности заметим, что сами в свое время отказывались от таких шуток, будучи еще никому не известными авторами. Вот недавно у Сергея Герасимова вышел чудесный роман. В оригинале он назывался «Помни о микротанцорах!». Издатель изменил название на «Герои чужого сна». Само по себе название тоже достаточно неплохое, но, во-первых, оно хуже первоначального, а во-вторых, значительно хуже соотносится с содержанием книги. Первое же название было концептуальным. И кто теперь об этом знает, кроме близких знакомых писателя?

Но давайте перейдем к **третьему искушению**.

Живость характера

Адвокат: Автор сообщает во всеуслышание: «У меня много друзей. И поэтому моя авторская работа ускоряется. О, счастье! Редактуру я отдаю редактору. Ошибки, опечатки пусть исправляет корректор. Технические-исторические-географические детали мне в клюве несут приятели-ученые. А ляпы мои пусть ловят бета-тестеры. Вчера я сбросил свою новую книгу в сеть, и теперь жду выводов оных бета-тестеров.»

Аж дрожь по телу: бета, значит, тестеры. Это кто такие? Илья Эренбург тебе тексты правит?! Булгаков? Роджер Желязны?

Впрочем, в этом есть и свои плюсы. К примеру, все то же приснопамятное ускорение работы. Не надо самому чистить текст, вылавливать опечатки, глюки, ляпы, корявости стиля. Если вам повезет, и попадутся хороший редактор с корректором – да, они довольно много сумеют исправить в лучшую сторону. Бывает, что с этим везет. Во-вторых, бета-тестеры (особенно когда их много, и среди них по закону больших чисел попадаются толковые люди) действительно находят ряд ляпов, нестыковок логических и стилистических, анахронизмов и так далее.

Адвокат дьявола. Причем зачастую находят с большой радостью: «А-а! Вот тут ты, братец, лажанулся!!!». И так же радостно рассказывают об этом всем встречным-поперечным.

Адвокат. Но, тем не менее, автор отловленный «глюк» поправит. Польза налицо. В общем-то, сам он мог бы ошибку и пропустить: ну, бывает – «замылился» глаз. Это, естественно, ускоряет работу. Пока за меня ловят блохи, глюки, корявости и нестыковки, я совершенно спокойно работаю над следующей книгой. Потом, когда мне навалили все это дело, я быстренько вставил исправления в текст, поправил – и в издательство, пусть уже там вычищают до блеска. А я за это время уже половину следующей книги написал. Очень хорошо! Больше книг в год, повышается гонорар, растет популярность.

Кроме того, будем справедливы: это редкая возможность скрыть собственную неграмотность. Поскольку компания бета-тестеров не всегда же выкладывает свои резюме в свободный доступ, из дружеских чувств! А если и выкладывает, все равно это мало кто прочитает. В конечном варианте книги, изданном на бумаге, именно этих корявостей не будет. И таким образом никто не узнает, что они у меня вообще были. Кто-то узнал? – ну, это же мои друзья, и кроме того – вот, готовая книга, и там ошибок нет. Все нормально. Были случаи, когда редактор буквально переписывал кривой язык, делая треть работы за автора. И в итоге выходили достаточно приличные книги. Так что все путем. Об авторе будут думать лучше, чем он пишет на самом деле.

Адвокат дьявола. Что же до минусов, то сразу вспоминается одна из песен Высоцкого: «Я обидел его, я сказал: капитан, никогда ты не будешь майором!» Автор при таком подходе, при такой живости характера навечно замерзает в состоянии «начинающего». Он никогда не станет взрослым автором, отвечающим за собственный текст. Да, разумеется, консультанты очень полезны. Имеено консультанты. Однажды историк Шмалько поймал Олди на том, что в древней Греции не было апельсинов. Большое ему за это спасибо. Но править текст стилистически? Вносить изменения, подсказанные рядом не всегда компетентных людей, превращая зачастую текст в винегрет? Нет уж, чистить и править текст большей частью надо самостоятельно. Чувствуя стилистику, темп, ритм, соответствие замыслу... Чистить много, править очень много. Иначе автор будет всю жизнь маленьким. Я слепил домик из пластилина, а теперь давайте, обрабатывайте. Я же слепил такой хороший домик! Осталось всего ничего, и можно заселять жильцов! Классно! И главное – быстро!..

В этом состоянии «вечного подростка» автор не успевает заметить (знаете, как у лилипутов или карликов проблемы с гипофизом), как у него сначала прекращаются внутренние изменения – что писал год, два, пять лет назад, то и сейчас пишет. Потом прекращается творческий рост: вначале автор перестает меняться, а затем возникает глухая стагнация – автор «заукливается». Он будет писать и дальше, но выйти из этого заукливания гораздо труднее, чем работать над своим текстом самостоятельно с самого начала. Это трудно. Но это та трудная работа в тренажерном зале, на беговой дорожке, которая наращивает вам мускулатуру – хватку, реакцию, чутье на слово и язык, умение строить абзацы.

Итак, однажды у такого автора «чутье на язык» окончательно умирает. Это похоже на отсутствие музыкального слуха: ну, никак он не слышит того, что обязан улавливать дирижер оркестра: первая скрипка играет не ля-диез, а ля, тромбон вступил не с начала такта... Эй, бета-тестер! Эй, редактор! Помогите! Какая из скрипок ошиблась? А бета-тестер разбирается не в скрипках, а виолончелях...

В общем, финансовое положение улучшается: можно быстрее делать книги. Но однажды деньги может начать получать уже «мертвый» автор.

Так что, пока мы живы, поехали дальше:

Искушение четвертое:

Обстоятельность (Подписание фьючерных контрактов)

Адвокат. Меньший вариант, то есть самый безобидный: контракт на еще недописанную книгу. Автор книгу не закончил, есть только кусок текста. Но поскольку автор уже издается в данном издательстве, у него неплохая репутация, так как его предыдущие книги нормально продались, – он дает издателю анонс, краткую аннотацию и, допустим, первую четверть текста. Вот я сейчас пишу роман под названием «Лети и властвуй!..» Издатель сразу вписывается в тему: «Отлично! Подписываем договор. Вот тебе аванс – иди работай».

Второй вариант фьючерного контракта – на вообще еще не начатую книгу. На идею книги, задумку.

Третий, более суровый, который в свое время практиковали некоторые издательства: на пять лет творчества, на все, что будет написано данным автором за эти пять лет, и не менее трех книг в год. Подписывались и такие контракты – находились желающие.

И совсем сурово: на все творчество на двадцать пять лет, право на имя, право на любые экранизации, право на переработки текста, постановки, компьютерные игры, переводы и все, что угодно, вместе взятое. И такие случаи были. Тогда ваше имя становится торговой маркой, переходя в собственность издателя.

Это и есть обстоятельность, с которой автор обустроивает свою судьбу на будущее, подписывая подобные контракты.

В этом есть свои плюсы. Безусловно, определенная стабильность. Я еще ничего не написал, а мне дали аванс, у меня есть контракт – чего ни сотворю, скорее всего, это издадут. Такое хорошее ощущение уверенности в завтрашнем дне. А если я продал все творчество на пять лет вперед, то уверенность в завтрашнем дне растягивается на пять лет. Или на двадцать пять. Если обещают издавать по три книги в год – это же хорошо! Это даст мне определенное имя, финансовую стабильность, положение в обществе, известность в широких кругах. Я – «стационарный автор» такого-то издательства, и оно меня не пошлет к арапам через два года. Это дает обеспеченность. Потому что, продав себя с потрохами, можно прилично заработать. Один раз, правда. Но прилично. Совсем прилично. Если уметь торговаться и настаивать; если действительно есть, что продать. Значит, это финансово приятно.

Но...

Адвокат дьявола. Если продаешь себя с потрохами, соответственно, рассчитывай на «торговое» отношение к себе: вот человек, который продается. Заключение контракта, предложение, если говорить сугубо коммерческим языком, готовый товар и получив за него деньги – совершенно нормальная ситуация как в коммерческой, так и в творческой среде. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать.» Но когда ты фактически продаешь свое вдохновение на пять лет вперед, к тебе будет соответствующее отношение. Что бы там ни написал. «Дайте мне денег, сейчас и побольше. Ну ладно, можно не совсем побольше, но хоть прилично, и я вам напишу все, что вы хотите,» – издатель и ряд коллег вас чудесно поймут. Издатель, возможно, и купит. Но даже если в глаза вам ничего не скажут – за спиной прозвучит многое.

А если продал имя, оно рано или поздно (если ты хоть как-то успешен), появится под чужими текстами, которых ты не писал и даже не читал. Имя может появиться на каких-нибудь странных изделиях – хорошо еще, если на футболках. А вдруг на презервативах? На левых сувенирах? Вещи, которые не имеют никакого отношения к твоему творчеству, к твоим книгам, к твоим мыслям, к тому, что ты хотел сказать читателям, к имиджу, который ты хотел бы иметь. Дружок, наш продавшийся с потрохами дружок, – это коммерция, и

помешать ей, раз «влился в струю», ты никак не сможешь. Изменить условия, уйти в другое издательство тоже не сможешь – неустойки по фьючерному контракту такие, что твои гонорары, которые ты поначалу получил разово или впоследствии, их не перекроют.

А если ты паче чаяния стал действительно реально известен, ты не сможешь пересмотреть условия, получить больший процент, получить дополнительные дивиденды от экранизаций, переводов, компьютерных игр и тому подобного. Не сможешь говорить, что вот такую компьютерную игру по своему произведению я хочу, а такая совершенно не подходит, и не надо ставить мое имя, не надо писать, что это сделано по мотивам моей книги. Ты продался в кабалу. Кабала – она и в Африке кабала. И когда ты однажды попробуешь восстать, вот тогда издатель резко перестанет поить тебя кофе с коньяком. Он скажет: «Обращайтесь, пожалуйста, к юристам издательства. Там лежит ваш договор, который вы подписали. А еще, если будете вредничать... Знаете, у нас падают продажи сувениров с вашим проданным именем. Помните, в договоре есть такой маленький пункт 4.27-б – ах, вы забыли? напоминаю: у вас, между прочим, есть кое-какая ответственность, и мы этим пунктом ПОКА не пользуемся, но если вы будете выделываться...»

Так что не будем о грустном и перейдем к следующему, **пятому искушению:**

Осторожность

Адвокат: Осторожный автор – это ведь хорошо? Выражается эта осторожность в первую очередь – в боязни риска. Ну зачем я напишу книгу, которая, возможно, станет не такой популярной, как предыдущая? Ну зачем я буду использовать слова, которые неизвестны восьми читателям из десяти? Например, слово «инсинуация» большинство народа пишет никак не через три «и». Значит, нужно его заменить на общедоступное словечко....

«Я не люблю экспериментов, – говорит осторожный автор. – Я начал с саги про непобедимого эльфа и его врагов-орков. Я эту сагу (ну, не эту – другую, третью) – и буду писать про этих же товарищей, в этом же антураже. Пробовать новое опасно! – выберишь я на чужую территорию, захоти написать, скажем, не фэнтези, где я уже неплохо зарекомендовал себя, а городской роман, психологическую драму, триллер, наконец, гротеск, бурлеск, балаган – это риск и эксперимент. Начнет ругаться издатель, начнет ругаться читатель...»

В сущности, осторожный автор прав. Массовому читателю зачастую, чтобы привыкнуть к авторскому эксперименту, нужно года полтора. Выходит книга, не такая, как предыдущая книга того же автора – первые отзывы всегда отрицательные. Проходит полтора-два года: «Ах, да это же золотой фонд нашей фантастики! Редкая удача писателя!» А следующая книга, которая опять не такая: «Полный отстой, самый большой провал!» Поговорите с писателями, которые издаются достаточно давно, они подтвердят. Эксперимент? новые приемы, формы, подача материала?! – год разгрома, потом год задумчивого молчания, и – «золотой фонд... а вот то, что они вчера написали – у-у-у...»

Осторожность – это опаска работы в новых областях. Попытка по-новому строить язык, речевые характеристики персонажей, новый антураж, новая структура текста и так далее. Это боязнь работать в разных жанрах, с разными методами; попытки изменить традиционные приемы, которыми ты пользовался в работе над «вчерашним» романом.

У осторожности есть целый ряд плюсов.

Если человек нашел свою нишу, где себя более или менее хорошо зарекомендовал (а мы говорим о людях, которые уже издаются и выпустили одну-две-три книги), то этой осторожностью он «вербует» себе круг читателей, которым нравится этот метод, это направление, этот антураж. Если я все время пишу зубодробительную космооперу, у нее есть поклонники, которые любят именно космооперу и не любят, скажем, хоррор или фэнтези. Они – мои читатели. Они видят, что уже третью книгу я работаю в их любимом направлении, рассказывают об этом своим друзьям, коллегам по увлечению. Они обязательно купят мою следующую книгу, и, возможно, со временем ее купит еще большее количество людей. Это несомненный плюс – привлечение постоянного читателя и расширение его контингента. Это стабильная аудитория. Это расслоение на четких любителей и не-любителей, поклонников и противников. Четко обозначенные противники – тоже хорошо. Черный пиар – тоже пиар. И когда на форуме или в журнальных статьях схлестываются «чистые» почитатели и недоброжелатели, это увеличивает рейтинг автора.

Мы говорим об интернет-форумах чаще потому, что имеем в виду не супер-популярного автора. А о таком чаще говорят именно в Интернете, чем пишут статьи в газетах и журналах. Говорить об авторах другого социального калибра – значит, приводить другие примеры.

Далее, из плюсов: это, естественно, ускоряет работу. Автор досконально обжил привычное пространство. Причем совершенно не обязательно писать сагу. Можно писать отдельные романы, циклы повестей, рассказы – не важно. Но приблизительно в одном направлении, в одном ключе. Я здесь кум королю: опробовал многое-всякое, наступил на ряд граблей, понял, что на них больше наступать нельзя. Я нашел любимые козыри, которые

однозначно работают на интерес конкретного читателя. Я очень хорошо и уверенно себя здесь чувствую – это мое пространство, меня отсюда не вышибить. У меня есть своя экологическая ниша – а это, поверьте, тоже достаточно много значит. Опять же, закрепление «в формате», в определенной книжной серии, которая печатает книги именно такого направления: «Да, нам нужны „форматные“ авторы! Продолжайте в том же духе, мы вас возьмем снова и снова; вас хорошо покупают, есть поклонники...»

Наработка фирменных приемов, которые можно использовать из книги в книгу, – конечно, это и ускоряет работу, и дает стабильность.

Адвокат дьявола: Но, увы, осторожность крайне сужает авторский спектр творчества. Писатель сознательно начинает себя сначала обрезать по краям, а потом кастрирует овечьими ножницами. «Человек в футляре», постоянное «как бы чего не вышло...». В колее уютно, но беспросветно. Далее – дикими темпами ускоряется формирование автоштампов. Есть наработки, которые когда-то были открытием, чем-то оригинальным – издали, издали, еще раз издали, и открытие стало штампом. А автор все паразитирует на «кругах своих», все возвращается и возвращается... Любое свое умение, мастерство – ставит на конвейер. Паразитирует, паразитирует, под конец все, что было живым, уже мертвое, выведенное изнутри, пустая кожа. А бедолага-автор продолжает выкручивать дохлую кошку, достав ее из цистерны с квасом: «Ну, Мурка! Ну еще капельку!..» Ведь эти штампы еще только вчера – РАБОТАЛИ!!!

Есть очень близкий для нас пример из области боевых искусств. Иногда человек замечает, что юность, когда он так лихо размахивал ногами, прошла. И в сорок лет, действуя прежними методами, он травмирует собственные суставы, рвет связки, портит сухожилия. Давно надо оглядеться, подумать и переменить манеру. Она будет не хуже и не лучше – она будет ДРУГАЯ.

Осторожный автор себя не в колее – в тюрьме содержит. Острог, а не осторожность. Сам тюремщик, сам охранник. Как у Высоцкого: «Выбирайтесь своей колеей!» – нет, не хочет выбираться. Начинается загнивание.

Осторожный автор – это мертвый автор.

Осторожный творец? Творят от щедрости. Вот тут зерно в землю брошу, а здесь – да будет твердь. Когда творит осторожный демиург, с опаской, с оглядкой – страшное зрелище. Евнух учит плодиться и размножаться. В таком мире и жить-то скверно, а читать об этом мире – увольте. В конечном итоге, запершись в «башне из слоновой кости», автор выедает все внутри этой башни подчистую. Уже и вглубь вырыл, и все сусеки выскреб – и остался на выжженной земле. Пустыня. Отвал. Выйти раньше не хотел, а теперь не может. Вырыл яму, в ней и сидит; теперь нужно потратить кучу усилий, чтобы вылезти – а стенки осыпаются, заваливают бедолагу. Книжки выходят, а на душе пакостно. Рост популярности поначалу вполне может дать в конце – трагедию.

Участь заезженной пластинки.

Посему на этой высокой ноте перебираемся к следующему, **шестому искушению:**

Вечная молодость

Адвокат. Однажды Андрея Валентинова обступили молодые авторы:

«А подпишите-ка нам книжку, Андрей Валентинович!»

«А ты кто такой?»

«А я вот начинающий писатель, молодой автор.»

«А сколько книжек у тебя, молодой автор, издано?» – спросил Валентинов, давая автограф.

«Четыре. В твердом переплете.»

И Валентинов расхохотался.

Это с четырьмя-то книгами, не считая публикаций в периодике, ты – НАЧИНАЮЩИЙ АВТОР?! Человек, который после четвертой-пятой-шестой книги по-прежнему считает себя начинающим и молодым (не в смысле физическом, а в писательском) – это примерно то же самое, как после рождения пятого ребенка искренне полагать себя девственником. И кричать об этом на всех перекрестках.

«Маленьких бить нехорошо. С меня, маленького, какой спрос? Я еще учусь. Ну, есть у меня шероховатости, ляпы и „глюки“. Но я выучусь – вы ж меня не бейте больно, я только начинаю. Я не Стругацкий, не Булгаков...» Да, такого и бить противно.

Это удобная позиция. Во-первых, зачастую действительно не бьют, прощают. Ну, человек ведь только начинает писать, у него там... восемь книг вышло... всего лишь... Да вроде и написано ничего. Нормально. (О, это страшное слово – нормально!) Ну, есть ляпы, шероховатости... Учишься, дружище? Ага, учусь! Стараешься? Рад стараться, ваше благородие! Ну и молодцом. Как его после этого бить, молодого? Он ведь не говорит: «У меня все хорошо!» – а ты его мордой: «А вот и не все!!!». Трудится человек – молодец, трудись дальше. И отношение к нему: старается, работает, учится – доброе. Критики прощают; мэтры относятся покровительственно (в смысле, этот нам не конкурент). Можно водки выпить, похлопать по плечу: «Мужик, у тебя еще все впереди! Ты еще научишься и будешь такой, как я!» (Я к тому времени, глядишь, помру, и этого безобразия уже не увижу...)

Такой вот имидж. СОЗНАТЕЛЬНЫЙ! Более того, с таким имиджем выходят и статьи, с таким имиджем человек лезет в эфир. Почему нет? – пардон, пять-шесть книг вышло, есть о чем с ним поговорить; и на передачу можно пригласить, и на встречу с читателями. А он по-прежнему талдычит: «Какой же я известный писатель?! Я такой себе начинающий литератор. Я – человек скромный, в мэтры не лезу». Люди смотрят: столько книг вышло, а он нос не задирает. Умница! Свой в доску!

Очень удобная маска. Под которой можно прятаться до глубоких седин.

Адвокат дьявола: Автор всех убеждает, что он маленький, невинный, несчастный, и бить его не за что. Окружающие принимают хвалить: «Да нет, родной, у тебя все совсем не так плохо. Ты еще вырастешь, будет тебе небо в алмазах». И беда в другом: убеждая других, автор и сам к этому быстро привыкает. Убеждал других, а убедил себя. Вот уже лысина во всю голову, брюшко пивное, дети школу заканчивают, а он все еще «начинающий автор». Ходит на семинары и мастер-классы, слушает, в тетрадку записывает, кивает... И сам не понимает, как смешно выглядит. Уже в тридцать лет, с пятой книгой – смешно. Трудится, привыкает к «вечной молодости», убеждает себя, что старается. Да ни фиги ты не стараешься, хороший наш! Лысый, седой, толстый дядька с вечным припевом: «Я маленький!» – умиления не вызывает.

Он вызывает брезгливость.

Вот лысый, седой, толстый дядька, напористый, агрессивный, когда это нужно, остроумный и энергичный, знающий и эрудированный – он вызывает уважение. Старый лев под-

ходит к прайду, и молодежь разбегается. Понимаете, дело не в том, кто старый, и кто седой. Важно, как ты себя позиционируешь.

Представьте: вы пришли в ресторан, а официант, принеся вам заказанное блюдо, говорит: «У нас повар – он хороший, но молодой и неопытный. Вот, приготовил, а вы попробуйте, как у него получилось. Если что не так, не обессудьте. Он старается...»

Вопрос: если ты такой молодой и начинающий, если у тебя еще все впереди, так какого рожна ты это «начинание» публикуешь? Опубликовал – будь добр, получай по шее, как взрослый. Ввязался в нашу драку – дерись как все. Иначе нет вариантов. А «моложавый» автор начинает громогласно занижать себе планку. Он относится к себе очень снисходительно. Он привык, что маленький. Я себя люблю, планочка у меня невысокая, я сам себе прощаю те огрехи, которые мог бы сам исправить. И вы простите, люди добрые. Может, когда вырасту, все исправлю.

Знаете, как этих авторов легко вычислять в любом возрасте? Такой писатель публично – хоть на встрече с читателями, хоть с друзьями, хоть в интернете, – закончив очередную книгу, озвучивает сие событие следующим образом: вчера, мол, закончил, устал, как собака, а такое дерьмо написал! Устал, весь изработался, сил нет – а все равно дерьмо. Это он, «вечно молодой». Он напрашивается на «пожалейте меня». Вампирит помаленечку. Ему рано или поздно скажут: «Ты устал, бедненький; не такое уж это дерьмо, как ты рассказываешь... есть проблески... ты отдохни, еще поднатужься...»

Бейте его сразу. И когда он это заявляет В ВОСЬМОЙ РАЗ, уж поверьте, восхищения его трудолюбием не возникает, и сочувствия его ужасной молодой доле и трагической усталости не возникает также. И желания утешать его тоже нет.

А есть желание перейти к **седьмому искушению**.

Компанейство

Адвокат: Автор, начавший реально издаваться, попадает в среду коллег, фэнов, читателей, критиков, просто каких-то тусовщиков, молодых, не очень молодых, совсем немолодых, известных, малоизвестных и так далее. Попадает – и растворяется в среде, как сахар в кипятке. Это же свои! единомышленники! я такой же, как они, мы все друзья и братья во спиритус вини...

Плюсы? Их есть у меня, как пел Капелян в «Интервенции». Во-первых, у автора резко растёт количество знакомств. Плохо? – ничего подобного! Познакомился с одним, с другим, выпил водочки, покалякал за жизнь – через какое-то время уже на «ты» с полезными и приятными людьми. Узнал, что где-то печатают сборничек – рассказ туда кинул. Узнал о новом журнале – интервьюшку им сообразил. Рост знакомств – это хорошо. Особенно нужных знакомств. В конце концов, на семинар пришел, на диспут, на мастер-класс – тоже полезная штука. Второе достоинство – это вписывание в тусовку. Если тусовку назвать другим словом – выйдет профсоюз. Это действительно профессиональный союз, пусть и неформальный; где поддержат твои издания, помогут с художником, предложат аннотатора. Здесь можно задать вопрос и получить ответ. Обсудить контракт – условия, нюансы, рифы и подводные камни. Чудесно! За этим и ездим.

Случайный человек видит только вершину айсберга. А неслучайный обнаруживает, что ниже ходят большие рыбы. Общение дает увеличение числа рецензий, упоминаний в прессе о тебе-любимом. Рядом крутился критик? – появилась статья. В газете вспомнили, что на таком-то фестивале присутствовал ты. Вот и «мирская слава».

Далее – фигурирование в номинациях.

Ах, чудесная формулировка – номинант, допустим, «Звездного Моста»! Звучит, как дворянский титул. В номинации «Романы» – восемьдесят четыре позиции. Номинант – один из восьмидесяти четырех. Но все равно – звучит. А временами случаются и премии. Очень хороший стимул для авторского самолюбия. Автору вручили приз; он его дома поставил на полочку и рассказывает знакомым барышням: «Это я получил в Свердловске, это в Ашхабаде, это в Харькове, это в Москве за то-се, за пятое-десятое». И в журналах пройдет упоминание, и в Интернете звякнут в колокольчик. Замечательно! Эти премии – будем называть вещи своими именами – получить, присутствуя на конвенте, много легче, чем отсутствуя. При прочих равных, присутствующий получит премию скорее. Это вовсе не лоббирование, это чистая психология: мне нравятся из списка четыре романа, но автора четвертого здесь нет. Третий и четвертый нравятся примерно одинаково, но с автором третьего я вчера пил водку, а четвертого знать не знаю. Понятно, за кого я проголосую?!. Или уточнить?

Это, кстати, совершенно нормально, здесь нет ничего плохого или обидного. Просто маленький плюсики при прочих равных может сыграть решающую роль.

Адвокат дьявола. Хорошо, давайте действительно называть вещи своими именами. Тусовка – профсоюз. Безусловно. Но есть еще и старое определение людей искусства – БОГЕМА.

Прошу любить и жаловать.

Это «террариум единомышленников». Очень специфическая среда. Все мы хорошие люди, слушаем-рассказываем, веселимся-общаемся. Но, думаю, ни для кого не секрет, что за спиной зачастую говорят совсем не то, что в глаза.

Будем честными.

Это очень распространенное явление. К сожалению, от него никуда не денешься, и с этим надо мириться, принять как данность. Обижаться тут глупо и бесполезно. Особенно в богеме – это ее специфика. Специфика группы тонко организованных, тонко чувствующих,

нервных и самолюбивых, талантливых и тщеславных людей. Более того, человек богемы будет искренним в обоих случаях: и хваля тебя в глаза, и ругая за глаза. Вовсе не значит, что он в лицо вам врет, а за спиной говорит правду (или наоборот). У него в ДАННЫЙ момент такое настроение, он в ДАННЫЙ момент думает именно так. Отзывы «какая дрянь!» и «как великолепно!» зачастую дает один и тот же человек – но в разных местах и в разное время. И всякий отдельно взятый раз он искренне верит в сказанное.

А наш автор тоже тонко организован. И зарабатывает невроз с депрессией.

Далее, попав в богему, ты, сам того не заметив, очень скоро можешь оказаться в какой-либо из многочисленных группировок. А группировки, сами знаете, дружат друг против друга фалангами. Потому что те, другие, дружить не хотят. Вот я посидел за одним столом с хорошей компанией – все милейшие ребята, все читали такую-то книжку, мы ее обсудили, выпили пива, я сказал слово-другое, черкнул отзыв в интернете или рецензию в журнальчике-газете – все, здесь я свой. Но мы ведь дружим против кого-то! И зачастую приходится вписываться в разборки: «Разве можно бросить своих в трудный момент?!» И ты влип в конфликты, глупые и бестолковые. Совсем невеселая штука, надо сказать. Потому что в ответ на твою похвалу в адрес мистера Н тебя машинально обругают критики Х и У.

Вы думаете, мы цинично раскрываем профессиональные секреты? Ничего подобного. Поговорите с актерами. С художниками. С музыкантами. Богема – везде богема.

Поначалу это все может быть относительно безобидно, без, скажем, битья морд и совсем уж матерных рецензий (до такой гадости доходит действительно нечасто). И автор понимает: вот она, настоящая жизнь! Здесь творится жизнь, здесь бурление умов и движение сердец – я в этом участвую, и это круто! И вместо того, чтобы спокойно заниматься литературой, и – да! общаться на литературные темы! – он начинает участвовать в псевдолитературных разборках, в рецензиях по нелитературному признаку; в «обсуждѣжах» одного за спиной другого, и так далее. Причем без всякого злого умысла: он не думает, что делает плохо – он считает, что это нормальная литературная жизнь. Все так живут, так и надо, чтобы быть своим. В итоге творчество и нормальное общение подменяется тусовочной псевдо-жизнью. С нашей точки зрения, это скверно. Хотя, может, кому-то и нравится. Автор тонет в сварах и склоках, выясняет отношения, вступает в одни союзы и выходит из других, разбрасывается манифестами в защиту кого-то или против чего-то. В крайних клинических случаях он начинает попросту спиваться в компании приятелей вначале на конвентах, а потом и между ними. Принимается банально «квасить» до состояния «ты меня уважаешь?», даже не подозревая, что за его спиной о нем говорят не «уважаю», а совсем наоборот.

Кстати, опасность особенно велика для авторов с не очень большим опытом жизни в богеме. Они еще не успевают многие вещи отслеживать. Не успевают выработаться противоядие, антитела. И в конце концов мы слышим не: «Это писатель Василий Пупкин, автор такого-то романа, лауреат такой-то премии» – а другое: «А, это Вася-тусовщик, с которым мы вчера пиво пили!» Потом об этом слышит издатель, потом слышит незнакомый критик. Потом это снимает или записывает на пленку журналист... Потом вживую видит случайный читатель. Дальше продолжать надо?!

Надо. Итак, **искушение восьмое.**

Общительность

Адвокат: Не путать с компанейством! Общительность – это когда автор ПРОЧНО ПРОПИСЫВАЕТСЯ В ИНТЕРНЕТЕ.

Ему это страшно нравится. Он организывает живой журнал, он делает форум, он вписывается в клуб по интересам или сам его обустраивает. Он объединяет вокруг себя коллег или идет к ним. Он подписывается на ФИДО, у него образовывается авторская страничка. Он сидит в чатах, разговаривает, обсуждает и тратит на это кучу времени. У него полно псевдонимов. Там – Лев Толстой, тут – Волк Худой. Кстати, обратитесь когда-нибудь к психиатру – не найдут ли они в обилии «никнов» проявления шизофрении?

Но, при всей ироничности подхода к этому явлению, у него есть несомненно положительные моменты. Не бывает так, чтобы все было плохо.

Первое. В Интернете реально можно почерпнуть массу информации. Думаю, многие со мной согласятся. Вплоть до реалий для очередной книги – история, география, специфические сведения из области физики, химии, астрономии, интересные термины и тому подобное. В общем, место полезное. И далеко не всегда это можно найти в книгах под рукой; к тому же тратится меньше времени. Это удобно, тут никаких вопросов нет.

Второе. Рост известности. Если ты постоянно тусуешься на форумах и в чатах; у тебя есть одна-вторая страничка, свой личный форум – это однозначно способствует росту известности. А мы же говорим об издающихся авторах! Далее – тебе пишут читатели. Потом на форум попадает человек, который твоих книг не читал – видит, там есть отзыв, рецензия... Глядишь, возьмет книгу и прочитает. Ему понравится, а если понравится – добавится еще один читатель, а потом и не один. Плюс свои братья-коллеги тебя лучше знают – обмен информацией, новинками (у кого что вышло, где какая новая серия открылась)... Это фактически некоторая замена конвентов в ONLINE-режиме. Да, конечно, живое общение дает больше, но по оперативности Интернет весьма сопоставим, а по ряду аспектов даже превосходит конвенты. С виртуальными знакомыми не обязательно пить пиво, рискуя спиться окончательно, с ними достаточно переписываться в чате, узнавать полезные новости.

Далее – общение с читателями. Узнаешь мнения о своей книге – от ругательных до хвалебных. Понятное дело, хвалебные узнавать приятно, но и из ругательных иногда можно почерпнуть что-то полезное. Нашли какой-то ляп? Отлично. В переиздании его можно исправить. Почему бы и нет?

Более того, через Интернет очень удобно контактировать с издателем. От первого контакта до... Допустим, ты живешь далеко, а издательство находится в Москве. Списываешься с издателем, пересылаешь текст – не надо никуда ездить, все очень удобно. И издателю удобно – это тоже хорошо. Короче...

Адвокат дьявола. Нет, не короче. А иногда даже длиннее.

Первое: это отнимает массу времени. Иногда нам кажется, что наше время бесконечно. Это не так, поверьте. И вот это ВАШЕ время на эту ЛАБУДУ (запись в «живом журнале»: «Сегодня съел сливу. Долго думал.») уходит без остатка, с потрохами. Братцы, «Сказка о потерянном времени» Шварца – она про вас. В данном случае – и про тех, кто пишет, и про тех, кто просто это читает. Когда нас спрашивают: «Олди, как вы успеваете столько сделать?», мы отвечаем: «Стараемся не тратить время попусту». Нет, можно общаться и в чатах, – сами грешны – но не надо тратить на это такую уйму времени. Иначе легкое, необязательное дополнение к жизни становится эрзац-жизнью.

Второе. У автора создается психопатическая иллюзия, что ВОТ ЭТО – настоящий читатель. Ничего подобного. Давайте слегка несправедливо, но близко к истине заострим ситуацию: это не читатель, а сотня сетевых тусовщиков-бездельников. Почему – бездельников?

Потому что львиная доля этих господ выходит в интернет со своей работы. Где они ни фигу не делают, а используют казенное интернет-время для «бла-бла-бла».

Спорим, что мы правы?!

Кроме того (это, кстати, не наши домыслы, а совершенно реальные медицинские исследования), долгое просиживание у монитора в интернете, и не просто поиск информации, а ОБЩЕНИЕ, особенно, когда оно периодически идет в критическом режиме (то есть, на повышенных тонах) – создает рост нервозности. Неврозы на почве интернета – это уже раздел современной медицины. Есть научные работы, методики лечения, и тому подобное. И в особо запущенных случаях приходится лечить всерьез. А на творческое состояние, думаю, вы сами понимаете, как это может влиять – мы же говорим о писателях, людях тонкой нервной организации. Когда человек, раздраженный неудачной для него интернет-беседой, наконец решает поработать – ему, чтобы войти в рабочее состояние, нужно значительно больше времени и усилий, чем в обычно.

Дальше – автор зачастую избирает путь скандальности. Да, скандальность приносит некоторую известность. Но, во-первых, это не самая лучшая репутация, которую большинство людей хотело бы себе приобрести. Во-вторых, это не только чужие, но и собственные нервные клетки, которые... Нет, они восстанавливаются. Но о-о-очень медленно!

Начинается специфический синдром, который чаще всего провоцируется именно интернетом. Это «вставление» друзей и врагов в свои книжки. Кого-то в положительном контексте, кого-то в отрицательном. Тусовка распухает, как тесто, покидая квашню и разливаясь по городам и весям. Ты мой лучший друг – я тебя выведу пусть третьестепенным, но положительным персонажем. Ты на меня написал критическую статью – ага, я тебя в чане с кислотой утоплю. Понятное дело, что качество книги это, как правило, не улучшает.

Формируется так называемая интернет-зависимость. Зависимость не только от отзывов, от общения по сети, от писем, которые ты читаешь и пишешь. Бывает, когда человек лезет в свой почтовый ящик и не находит личных писем – ну, не написали сегодня полковнику! – и начинает испытывать резкий дискомфорт. Снова и снова давит на «Получить письмо» (а может, там все-таки что-то есть!), не найдя, ломится в чат – и так далее. Вместо того, чтобы плюнуть и решить: «Ну и хрен с ним!» – и сесть заниматься чем-нибудь полезным.

А там не за горами и **искушение девятое:**

Спортивность

Адвокат: Выражается оно в следующем: автор начинает принимать участие в ряде литературных конкурсов. Пишет туда рассказы на заданные темы – и активнейшим образом участвует в обсуждениях этих рассказов, в присуждении им мест, в конфликтах между членами жюри или участниками; он пишет кучу отзывов, рецензий, громко высказывает и агрессивно отстаивает свое мнение. Автор внимательно следит, чтобы его не дай бог не пропустили, не забыли, не помянули лихом... Автор при деле.

Естественно, у этого явления есть свои положительные стороны. Участие в конкурсах – в какой-то мере наработка писательских ремесленных навыков. Написать относительно приличный рассказ, – мы не о победителях, а просто о приличных текстах! – на установленную тему, за ограниченный срок... Да, надо иметь определенные навыки. И периодически человек, участвуя в конкурсах, «набивает руку»; в принципе, он может в итоге написать достаточно грамотный, крепко сбитый сюжетно, ровный по языку рассказ. Этот рассказ даже способен занять призовое место. Так что и определенное признание, греющее душу, и рост ремесленных навыков несомненно имеют место.

Формируется некий статус после побед на конкурсах. Это, во-первых, приятно лично автору. Во-вторых, об этом шумят в Интернете. Рассказ может попасть в печать: сборник, антология, журнал. Значит, формируется пусть малая, но доля авторитета.

Имя автора мелькает во всяческих списках, о нем периодически вспоминают, пишут рецензии, о нем помнят в сети – и так далее. Получается – размялся, занял место, попал в сборник, заработал слегка денег и повысил статус...

Хорошо!

Адвокат дьявола. Хорошо? Куда уж лучше!

Возникает подмена цели при написании художественного произведения. Если я хочу что-то сказать – есть идеи, мысли, чувства; если я желаю непременно поделиться своим внутренним миром – цель одна. А когда я участвую в конкурсе, в «крысиных бегах», просто потому, что этот конкурс был объявлен на днях – цель совсем другая. Выиграть первое место, обставить какую-то определенную компанию авторов, потусоваться на пьедестале, погреться в лучах славы... Мы не успеваем даже заметить, а цель давно стала фикцией. И ты бежишь, как осел за морковкой, не понимая, что морковку тебе подвесили перед мордой, что тебе ее никогда не догнать, да и незачем... Возникает отсутствие желания писать рассказы или повести вне конкурсов. Без этого странного и опасного допинга. Возникает ряд людей, которые уже больше кроме как на конкурс, писать ничего не могут. Это творческая катастрофа. Нужен внешний стимул, а внутреннего стимула нет – опять-таки, духовная кастрация. Получить премию, понравиться жюри, «ущемить» соперников, «людей посмотреть и себя показать» – факторы не из лучших. У автора возникает чудовищная зависимость от мнений, обсуждений, присуждений, диспутов по поводу конкурса, забега, состязания – он без этого жить не может. И перестает быть самодостаточным, а становится зависимым. Это наркотик особого рода. Возникает и больше не уходит халтурность, неряшливость из-за вечной спешки: этот конкурс надо закончить в три дня, этот – за неделю, этот – к такому-то сроку... Ну, да, я не успел вычистить рассказ! Я не виноват: срок закончился! Я ночь не спал, весь взмок... Но, родной ты наш, если не успел вычистить и довести до ума, КАКОГО РОЖНА ТЫ ЭТУ ДРЕБЕДЕНЬ ПУБЛИКУЕШЬ?! Ну я же утром, не умывшись, не почистив зубы, не лезу к тебе целоваться-обниматься! А ты ко мне лезешь со своим грязным недочищенным рассказом! Спешил? Тогда извини, если тебя брезгливо отодвинут и скажу: «Катись ты со своей помойкой...» И не проси о снисхождении – не за что к тебе снисходить.

Конкурсы формируют мощную подпитку тщеславия. Человек не успевает заметить, как становится болезненным честолюбцем: такое место – сякое место, такая премия – сякая премия. Он все время откладывает на потом настоящие замыслы: сейчас же у меня конкурс, и еще один конкурс, и снова забег, и дальше...

Это «потом» никогда не наступает.

Зато наступает **десятое искушение:**

Готовность на все

Адвокат: По просьбе или под давлением издателя автор достаточно легко соглашается:

- накорню переработать свое произведение;
- сократить;
- расширить;
- изменить финал;
- добавить эротику или экшн;
- написать книгу на заданную тему;
- написать продолжение к своей удачно пошедшей в продажу книге (которую, кстати, продолжать не собирался, а тут вдруг начал собираться);
- продолжить чужой коммерческий сериал;
- написать произведение в неравноправном соавторстве – например, по синопсису мэтра.

То есть, человек готов НА ВСЕ.

У этой готовности есть ряд плюсов. Заметно повышается шанс публикации. Даже не надо объяснять, почему. Споров с издателем не возникает. Любое предложение принимается «на ура». Нет проблем! Автор не спорит, пишет, что скажут, услужлив и расторопен – издатель доволен. Все чудесно: мир, дружба, жвачка!

Соавторство с мэтрами также имеет свои плюсы. Это может поднять вашу личную популярность. Это создаст общественный резонанс для вашего имени. Это может поднять тиражи ваших сольных книг. Но...

Адвокат дьявола. Но что касается минусов, то они чудовищны. К такому автору начинают относиться, извините, даже не как к «литературному негру» – как к литературной проститутке. И издатель, и коллеги-писатели, а вслед за ними и немалая часть читателей. Продажная любовь никогда и нигде дорого не стоит. И гонорары за нее невысоки. И замуж не берут. Далее, даже если человек не лезет в дописывание за мэтром или в неравноправное соавторство, – он согласен на все в СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ книге. Ну, казалось бы, я хозяин-барин, здесь меня попросили, я согласился, переделал – моя книга, что хочу, то и творю. Почистить, отредактировать – дело святое. Молодец, возьми с полки пирожок. Но речь-то не об этом. Когда в угоду Маммоне глобально меняется замысел книги, сюжетные линии, характеры героев, общая направленность повествования – для души автора, для его собственного внутреннего мира, для его «я» такая реконструкция даром не проходит никогда. Во-первых, это, как правило, не идет на пользу книге (бывают редкие исключения, но – о-о-очень редкие). Чаще всего книга становится хуже. А, главное, она становится не такой, какой ее хотел видеть автор изначально. Не спал, понимаешь, ночами, думал, мучился, выводил на бумагу, чистил, правил, а потом говорят: сделай все не так, а этак. Читатель твоих изысков не поймет, в формат серии твои эксперименты не вписываются... Согласие на претензии такого рода отчетливо травмирует психику. И травмирует книгу. Даже если автор этого надлома не ощущает; или не хочет признаваться в этом даже самому себе.

Популярность, завоеванная таким путем? Да, бывает. Но долгой она не бывает никогда. Краткий всплеск, после чего эта популярность катится вниз значительно быстрее, чем до того поднималась. И с коммерческой точки зрения, если автор намерен работать дальше, это попросту невыгодно – мы уже говорили про уровень гонораров для проституток. И в итоге автор, привыкший писать на заказ, писать, чего скажут, писать на ЭТУ тему, дописать ТОТ сериал – такой автор в конце концов утрачивает собственную творческую индивидуальность. Иссяк, исчерпался, разменял себя на пятаки, продан за чечевичную похлебку, и право первородства ушло навсегда.

Вот такие царства земные открываются с вершины этой скалы.
Но ведь можно и устоять перед искушениями? На этой оптимистической ноте и закончим.

Спасибо за внимание.

